

Проблемная комиссия «Эпилепсия. Пароксизмальные состояния» РАМН и Минздравсоцразвития России
Российская Противозепилептическая Лига

ЭПИЛЕПСИЯ и пароксизмальные состояния

2010 Том 2 №1

Выпуск посвящен
100-летию Российской
Противозепилептической Лиги

Данная интернет-версия статьи была скачана с сайта <http://www.epilepsia.ru>. Не предназначено для использования в коммерческих целях. Информацию о репринтах можно получить в редакции. Тел: +74999409938; e-mail: info@irbis-1.ru
Copyright © 2009 Издательство ИРБИС

50 ЛЕТ В РОССИЙСКОЙ ЭПИЛЕПТОЛОГИИ

Карлов В.А.

Кафедра нервных болезней лечебного факультета МГМСУ

Итак, в 2009 г. весь медицинский мир отметил столетие образования Всемирной противэпилептической лиги ((International League Against Epilepsy, ILAE)), а в наступающем году отмечаем и мы столетие Российского отделения ILAE, инициатором создания которого был великий Владимир Михайлович Бехтерев.

Здесь я хочу с благодарностью вспомнить о тех, кто были моими современниками, с кем я был лично знаком и которых уже с нами нет, но чьи заслуги позволили Российскому отделению ILAE внести значительный вклад в становление эпилептологии.

Я окончил 1-й Московский ордена Ленина государственный медицинский Институт – МОЛГМИ (так он тогда назывался) в 1952 г. Затем я работал в маленьком городке родной Орловской области, который назывался Малоархангельск, и сразу же стал готовиться к поступлению в аспирантуру. Но судьбе было угодно, чтобы я поступил только через пять лет. И теперь я сам себе задаю вопрос, что послужило мотивацией к занятию детской неврологией и, в частности, эпилепсией. На первый вопрос ответить нетрудно – профессор Мария Борисовна Цукер, блистательный лектор, руководитель неврологического студенческого кружка (старостой которого я был в течение трех лет), куратор детского отделения клиники нервных болезней, ныне клиники им. А.Я. Кожевникова. На второй вопрос ответить труднее. Наверное, одна из первых моих пациенток, у которой имело место сочетание мигрени с эпилептическими припадками. Это послужило поводом анализа данной проблемы и вылилось в статью, которую я послал в журнал Невропатологии и Психиатрии им. С.С. Корсакова (так он тогда назывался). И хотя две мои статьи с грифом «Малоархангельская районная больница Орловской области» уже были напечатаны в этом журнале ранее, эта статья была отклонена. Тогда, хорошо зная работы академика АМН СССР С.Н. Давыденкова как по мигрени, так и по эпилепсии, я послал рукопись к нему. Вскоре я с удивлением узнал, что он, выступая в Москве (что само по себе было эксклюзивом, так как Сергей Николаевич жил в Ленинграде, где заведовал кафедрой в Институте усовершенствования врачей), как раз на тему

мигрени, упомянул мою работу, как весьма интересную. Понятно, что после этого статья была напечатана. С.Н. Давыденков был основателем отечественной нейрогенетики, его монографию по этой проблеме я до сих пор часто цитирую на своих лекциях, в частности, его концепцию вклада наследственных и средовых (органические поражения мозга) факторов в происхождение разных форм эпилепсии.

В 1957 г. я, наконец, поступил в аспирантуру, именно по детской неврологии, в Институт педиатрии МЗ РСФСР (ныне – Институт педиатрии и детской хирургии) под руководство известного детского невролога Давида Соломоновича Футера. Это был человек исключительной честности, не позволявший себе никаких спекуляций. Тогда в Москве случилась эпидемия полиомиелита и были завезены аппараты ИВЛ («железные легкие»). В это время в его клинику приехал всемирно известный специалист по нейроинфекции Петте (энцефалит Петте-Даусона!) и Давид Соломонович, который сам был прекрасным нейростологом, обсуждал с ним эту проблему на немецком языке.

Что тогда представляла эпилептология в Москве? Почти ничего. Тема, которой занимался я, была первой эпилептологической темой в Институте педиатрии. Некоторое внимание уделила эпилепсии известный детский психиатр, профессор Груня Ефимовна Сухарева, которая позволила мне ходить на ее амбулаторные приемы. Она фактически была моим первым учителем по эпилептологии. Впрочем, в Институте психиатрии МЗ РСФСР было отделение, куда госпитализировались больные эпилепсией, а амбулаторные больные наблюдались и лечились в психиатрических диспансерах, по причине чего на них навешивался ярлык психических больных. В последующие годы психиатры «вырастили» своего эпилептолога Александра Ивановича Болдырева, впоследствии возглавившего эпилептологические отделения Института психиатрии МЗ РСФСР, защитившего докторскую диссертацию по изменениям психики в дебюте эпилепсии, а неврологи – меня. В 1969 г. я защитил докторскую диссертацию на тему «Эпилептический статус». Помню, как профессор Аким Оветович Хондкориан, который относился ко

мне с любовью, говорил: «Брось эту тему, засыплют тебя, так как больные в эпилептическом статусе будут так же умирать». Я привожу эти слова, которые в известной степени характеризуют отношение к проблеме эпилепсии в те годы даже со стороны известных ученых.

Однако в Советском Союзе была уже создана Проблемная комиссия по эпилепсии, возглавляемая великолепным клиницистом и ученым-неврологом, академиком РАМН СССР, профессором Петром Михайловичем Сараджишвили. В конце 50-х годов прошлого века он организовал и в последующем прекрасно оснастил Институт экспериментальной и клинической неврологии в г. Тбилиси. Экспериментальный отдел Института возглавил молодой, но очень талантливый нейрофизиолог Вожа Михайлович Окуджава (кстати, двоюродный брат Булата Окуджавы). В 1964 г. в Тбилиси была большая конференция, посвященная 70-летию Петра Михайловича, где достаточно солидно была представлена эпилепсия. Мне посчастливилось в 70-х годах быть членом, а позднее - заместителем председателя Проблемной комиссии по эпилепсии, в связи с чем я часто встречался и затем подружился с Петром Михайловичем. Он был высокообразованным и интересным человеком, получившим медицинское образование во Франции. Петр Михайлович был единственным представителем эпилептологов Советского Союза, участвовавшим в составлении «Словаря эпилептологических терминов» под руководством Гасто.

Передовые рубежи тогда занимал и Ленинградский институт нейрохирургии, где эпилепсия была одной из основных тем исследований. Институт был оснащен современной аппаратурой, в частности, для идентификации эпилептического очага использовались погружные электроды для стереоэлектроэнцефалографии и стереостимуляция.

На мой взгляд, основной вклад в патофизиологию эпилепсии был сделан нейрофизиологами Татьяной Сергеевной Степановой и Кириллом Владимировичем Грачевым. Ими была предложена концепция эпилептической системы, которая оказалась весьма плодотворной. Известный вклад в разработку проблемы эпилепсии со стороны Ленинградской неврологической школы был внесен также проф. Александрой Георгиевной Земской, и особенно - в хирургию эпилепсии у детей.

К тому времени мощная эпилептологическая школа сложилась и на Урале, в Свердловске (ныне - Екатеринбург), которая была создана замечательным неврологом и нейрохирургом Давидом Григорьевичем Шефером, разрабатывавшим хирургию височной эпилепсии. Д. Г. Шефер «приложил руку» и к «диэнцефальной эпилепсии». Помню диспут, возникший после его доклада на эту тему. Его оппонентами оказались Александр Моисеевич Вейн и я. Давид Григорьевич имел мужество признать справед-

ливость наших аргументов *contra*. Он, кстати, был остроумным человеком, жизнелюбом, многие выражения которого стали «крылатыми фразами». Давид Григорьевич дал ряд талантливых учеников, возглавивших кафедры, клиники. Один из них Лев Николаевич Нестеров, с которым нас связывала большая симпатия. Лев Николаевич возглавил в Куйбышеве (ныне - Самара) кафедру неврологии, которую превратил в кафедру неврологии и нейрохирургии. Основной научной темой была эпилепсия, а нейрохирургической - хирургия эпилепсии Кожевникова. Рано и трагически оборвалась жизнь этого талантливого человека.

Из учеников Д.Г. Шефера еще хочу упомянуть профессора Юрия Иннокентьевича Беляева, возглавлявшего клинику в Тюмени. Вспоминаю 1969-й, когда там состоялась конференция по височной эпилепсии. Юрий Иннокентьевич продемонстрировал девятилетнюю девочку с детским церебральным параличом и некурабельной эпилепсией, которую он прооперировал в 4 года. Было удалено все пораженное полушарие (гемисферэктомия). Результат был удивительный: не только прекратились припадки, но девочка заговорила, пошла затем во вспомогательную школу, у нее улучшилась моторика. К сожалению, Юрию Иннокентьевичу пришлось в 80-х годах покинуть Тюмень и переехать в Алма-Ату, где он затерялся.

Другая эпилептологическая школа сложилась в Омске. Ее создал профессор Юрий Николаевич Савченко. Он стажировался в клинике «самого» Пенфилда (насколько я знаю, вместе с А.Г. Земской). Данные стереотаксиса и результатов операции больной эпилепсией были использованы им для разработки патофизиологии эпилепсии.

Несомненный вклад в проблему был сделан уникальными советским неврологом, моим большим другом, увы, ныне покойным, Александром Моисеевичем Вейном. Им были рассмотрены принципиальные вопросы патогенеза циркаднозависимых эпилепсий и особенности взаимоотношения эпилептического очага и неспецифических структур мозга при эпилепсии сна и эпилепсии бодрствования.

В 1991 г. в Киеве состоялся последний пленум Общества неврологов Советского Союза «Пароксизмальные состояния в неврологии». Он начался с моего доклада «Классификация пароксизмальных состояний в неврологии» и доклада Александра Моисеевича «Универсальные церебральные механизмы в патогенезе пароксизмальных состояний». Здесь был впервые применен термин «пароксизмальный мозг» и поставлена проблема, которая затем параллельно разрабатывалась Александром Моисеевичем и мной.

Советский Союз был пионером создания крупных региональных эпилептологических центров, сосредоточивших в своих руках весь массив больных эпилепсией региона, имевших хорошую нейрофизио-

логическую базу, как правило, отделения (или кабинеты) нейрогенетики и нейрохирургические отделения: центры в Свердловске, Омске, Тбилиси, Куйбышеве и других городах Союза взяли на себя методическое и научное руководство эпилептологической службой регионов, и их опыт является бесценным.

Итак, когда я начал заниматься эпилепсией, в Москве стало два эпилептолога – психиатр А.М. Бол-

дырев и невролог – я. Необходимого оснащения практически не было. Так, когда я пришел аспирантом в Институт педиатрии МЗ РСФСР, получил тему по эпилепсии, оказалось, что в институте нет даже электроэнцефалографа.

Время изменилось, и, сейчас разве только ленивый не занимается эпилепсией. И проблем с оснащением клиник куда, как меньше. Эпилептологи – вперед!